

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Гуляев	
СЕКРЕТНЫЙ ИНГРЕДИЕНТ	3
Александр Егоров	
БАБУШКИН РЕЦЕПТ	12
Александра Великова	
СЕКРЕТНЫЙ ИНГРЕДИЕНТ	20
Жанна Вишневская	
НОВОГОДНЕЕ ГАДАНИЕ НА СНЕЖИНКЕ	31
Анна Зимова	
ЗА МАЙОНЕЗОМ	42
Полина Табагари	
ПОЧТИ КАК У МАМЫ	63
Татьяна Мельникова	
ВО ВСЕ ТЯЖКИЕ ПОД БОЙ КУРАНТОВ	83
ТАЗИК ЗАМКА ОЛИВЬЕ.....	104
Валентина Кондрашова	
ТАЙНА ИМЕНИ.....	118
Ира Крамер	
ОЛИВЬЕ ПОД ШУБОЙ.....	124
Карина Китова	
НАСЛАЖДАЙСЯ МОМЕНТОМ	143

Татьяна Белоусова	
ОЛИВЬЕ И ЖЕРТВЫ МАНЕРНОСТИ	151
Мария Веселова	
СЕСТРЫ ПО НЕСЧАСТЬЮ	154
Наталья Дзе	
ТРЕВЕЛ СТОРИ, ИЛИ ОЛИВЬЕ ПО-ВЕНСКИ	165
Дмитрий Дорошенко	
СОВЕТ НОВОГОДНИХ ДЕПУТАТОВ	175
Марина Козикова	
ДЕДУШКА С МОРОЗА	185
Татьяна Фонотова	
ЦЕЗАРЬ ИЛИ ОЛИВЬЕ	192
Макс Маль	
КВИЗ	208
Анастасия Исакова	
А МОЖЕТ, БЕЗ ГОРОШКА	230
Ольга Шиманович	
СЕКРЕТНЫЙ ИНГРЕДИЕНТ	240
Тимофей Николайцев	
ДВЕНАДЦАТЬ ВПОЛНЕ УДАРНЫХ РОМАНОВ	245
Ольга Михайленко	
ПОДАРИТЬ ЧУДО	265
Александр Бессонов	
В ПОИСКАХ НОВОГОДНЕГО НАСТРОЕНИЯ	277

Александр Гуляев

СЕКРЕТНЫЙ ИНГРЕДИЕНТ

Наступил декабрь. А в декабре у Алексея Сергеевича Петрова резко портилось настроение. И совсем не из-за приближения новогодних праздников. Хотя связь с этими самыми праздниками очень даже была: первого декабря начинался сезон новогоднего меню в кафе «Морозный вкус».

Алексей Сергеевич, владелец самого известного в городе ресторана с характерным названием «Петрофф», быстро разросшегося до целой сети ресторанов и закусочных, опутавшей весь город цепкими паучьими тенётами, поморщился и выпил таблетку аспирина. Декабрь, как, впрочем, и весь зимний сезон, в прямом смысле слова становился для ресторатора головной болью. Из-за того самого «Морозного вкуса».

С весны до осени работу «Морозного вкуса» Петров и не замечал. Маленькое городское кафе, куда приходили в основном попить кофе с мороженым или домашней выпечкой, выглядело всего лишь декорацией, создававшей ил-

люзию конкуренции в городском общепите. Но вот зимой...

Зимой это скромное заведение становилось местом настоящего паломничества для горожан и жителей близлежащих районов, вызывая ощутимое падение доходов Алексея Сергеевича. «Морозное оливье!» — будто проносился по городу едва уловимый шорох, и небольшой зал «Морозного вкуса» и даже специально открывшаяся зимняя веранда («У всех нормальных людей веранды летние!» — злобно бурчал Петров) наполнялись посетителями.

Оливье. Всего лишь обычное застольное блюдо, набивавшее оскомину уже на второй день праздников, весь зимний сезон было королем «Морозного вкуса». А само кафе — хитом всей кормившей горожан отрасли, да, пожалуй, и всего города в целом. И если бы кто-то отслеживал статистику, то с удивлением бы обнаружил, что в девяносто пяти процентах чеков кафе «Морозный вкус» фигурирует позиция «Морозное оливье». Оставшиеся пять процентов — это всего лишь утренний кофе на вынос для самых ранних посетителей. Из тех, кто с утра не едят ничего.

Когда кафе только открылось, Петров не обращал на него никакого внимания. В первый зимний сезон, когда слава «Морозного оливье» только-только начала разноситься, и поток клиентов ресторана "Петрофф" уменьшился, ресторатор удивился. На следующий год Алексей Сергеевич вознегодовал и вступил в закулисную борь-

бу с неожиданным конкурентом давно известными методами.

Но ни пожарная инспекция, ни санэпиднадзор, ни налоговая служба не смогли выявить ни единого нарушения в работе «Морозного вкуса». И более того, к вящему неудовольствию Алексея Сергеевича, все члены надзорно-карательных комиссий стали верными клиентами маленького кафе. Как минимум на зимний период.

Уязвленный ресторатор попробовал пустить в ход тяжелую артиллерию. Но на неформальном мероприятии ведущих бизнесменов города мэр Ипатов, несмотря на немалое количество выпитого элитного коньяка, Петрову отказал.

— Ты это, Сергеич, — добродушно ответил мэр старому приятелю. — Расслабься. Что тебе одно маленькое кафе? Ты же знаешь, мы завсегда только к тебе. Но я, уж извини, такого оливье, как в «Морозном», больше нигде и никогда... — Мэр мечтательно причмокнул губами и даже вернул на тарелку бутерброд с черной икрой, словно это было что-то залежавшееся и неинтересное. — Новый год, как-никак. Меня свои же не поймут. Вон, Севрюгин, — мэр кивнул в сторону начальника ГИБДД, — по три порции всегда заказывает, а Тамарка, — Ипатов имел в виду жену Севрюгина, — даже не ревнует. А сам знаешь, какие она салаты строгаёт!

Алексей Сергеевич даже вспотел от возмущения, но сказать ему больше было нечего. Кампания против «Морозного вкуса» была с треском провалена. И в наступившем сезоне оставалось

одно: добыть рецепт злосчастного оливье и задавить конкурентов масштабом и объемами.

Обычный способ получить желаемое — это просто его купить. Но, увы, попытки «случайных» посетителей узнать у сотрудников секрет популярного салата «за любые деньги» закончились ничем. Как выяснилось, готовил «Морозное оливье», несмотря на объемы ежедневно съедаемого в кафе салата, исключительно сам шеф-повар. А купить рецепт у шефа возможным не представлялось, ибо он и был владельцем «Морозного вкуса».

Так что единственным вариантом было продегустировать треклятый салат силами всех поваров компании, сделать какие-нибудь (Петров и сам не представлял, какие именно) лабораторные анализы, разобрать всё на ингредиенты, граммы и молекулы, чтобы повторить успех неуязвимого конкурента.

Разумеется, отправиться на дегустацию ни сам Алексей Сергеевич, ни его повара не могли, дабы не ронять собственный престиж.

Правда, в «Морозном вкусе» оливье на вынос не предоставлялось, но целая бригада специально отправленных к конкуренту сотрудников принесла в главный офис достаточное количество незаметно отобранных в контейнеры проб, чтобы набралось на хорошую порцию.

— Это и есть ваш «особенный» оливье? — негодовал Петров, первым продегустировав принесенное. — Да это же самый обычный салат! Та-

кой в любом кафе подают! Ничего необычного! Ни-че-го!

Попробовавшие салат вслед за боссом повара были вынуждены согласиться. Действительно, оливье был вкусным, из правильных продуктов, но никакими особенными качествами не обладал. Обычный хороший оливье.

— Вы его точно из «Морозного» принесли? Не сами приготовили? Тогда какого же?.. Что вы все в нем нашли?

«Разведчики» подавленно молчали.

— Вот ты, Витя, — продолжал распинаться Петров, на сей раз обращаясь непосредственно к бухгалтеру. — Вот съешь еще ложечку, прожуй как следует, и скажи мне в глаза, чего же такого сверхъестественного в этом салатике, чего в нашем нет?

Виктор покорно отправил ложечку салата в рот, прожевал и округлил глаза.

— Алексей Сергеевич... Это... Так это какой-то другой салат...

— Ясно. Сгорел на работе... Витенька, тебе плохо? — с деланным участием произнес Петров. — Сомова, а ты что скажешь?

А дальше история повторилась. Каждый, кто вновь пробовал салат, на полном серьезе уверяли все более разъярявшегося шефа, что в кафе у оливье был совсем другой вкус. Петров вышел из себя и выгнал всех из кабинета, с трудом удержавшись от нецензурных эпитетов в адрес команды.

— Мистика какая-то, — пробормотал он, устало опустившись в кресло и с ненавистью глядя на остатки меняющего вкус салата.

Выпитые залпом сто пятьдесят граммов коньяка не сильно помогли. Но никаких новых идей не было.

Алексей Сергеевич стал хуже спать. Чертов оливье преследовал его даже во сне. На работу ресторатор приходил уже заведенный, и сотрудники всеми силами старались лишний раз не попадаться боссу на глаза.

31 декабря Алексей Сергеевич сидел в офисе мрачнее тучи. На столе стояли уже привычная в этом месяце бутылка коньяка, нарезка лимона и блюдечко с оливками. Взгляд ресторатора блуждал по фотографиям на стене, на которых были запечатлены самые яркие моменты из жизни Петрова. Вручение награды от городской администрации, получение диплома, выход на сцену в роли Гамлета в студенческом театре...

Театр! Алексей Сергеевич подскочил в кресле и выбежал из офиса под недоуменные взгляды сотрудников.

Дома он достал с антресолей запылившуюся коробку со своими старыми театральными принадлежностями, от которых по неизвестной причине до сих пор не избавился. И вскоре из квартиры ресторатора Петрова вышел совсем другой человек с густыми бакенбардами, вьющимися усами и водруженными на нос старомодными очками в толстой оправе. Незнакомец вызвал такси и отправился напрямик в «Мороз-

ный вкус». Лично есть свежеприготовленный мистический оливье прямо на месте, не боясь быть узнанным.

На удивление, несмотря на ажиотаж, для посетителя нашли свободный столик. Заказал гость, разумеется, знаменитый «Морозный оливье». И что-то еще наугад, для вида.

Подали блюдо довольно быстро. Странно, но салат пах не колбасой и огурцами, как положено пахнуть оливье, а елкой, мандаринами и еще чем-то неуловимо знакомым. Впрочем, это всё витающие в воздухе флюиды Нового года, решил Петров и отправил в рот первую порцию салата. А потом еще и еще.

И это был действительно не тот оливье, который Алексей Сергеевич пробовал у себя в офисе. Удивительным образом каждая новая порция отличалась от следующей и поднимала из недр памяти самые светлые новогодние воспоминания. Вот сейчас это словно был оливье, который они ели дома у бабушки уже почти сорок лет назад. А теперь это мамин оливье, который она заботливо накладывала Алексею во времена его подработок в студенческие годы. А это оливье тети Люды, к которой они летали в гости в далекий Владивосток, сменяющийся вкусом оливье Ирины, первой большой любви Петрова. Оливье из воспоминаний...

Салат в тарелке неожиданно быстро закончился, и Алексей почти машинально заказал вторую порцию. А потом попросил официанта пригласить шеф-повара. На удивление, офици-

ант не стал задавать никаких вопросов, а просто одобрительно кивнул.

И вскоре вернулся вместе с высоким полным человеком в ярко-красном поварском костюме. У шефа были роскошные седые кудри и такая же пышная белая борода. Из-под густых седых бровей на Алексея внимательно смотрели ясные озорные глаза.

— Я... — начал Петров несмело, не зная, что он на самом деле хотел бы сказать. — В общем, ваш оливье — это что-то необыкновенное. Вы самый настоящий волшебник.

— Немножко, — ответил седобородый повар с улыбкой. — Рад, что тебе понравилось, Лёша.

— Вы меня знаете? — удивился Алексей Сергеевич.

Странно, но такое обращение его несколько не покорило.

— Конечно, — снова улыбнулся повар. — Я всех знаю, работа такая. И, кстати, с наступающим праздником! Сейчас принесут мороженое, это комплимент от заведения.

Повар заговорщицки подмигнул и добавил, понизив голос:

— С тертым шоколадом, как ты любишь. Пломбир. А сейчас извини, надо идти работать. Очень много заказов, а впереди тяжелая ночь.

И шеф-повар удалился, оставив Петрова в полном недоумении.

А мороженое и в самом деле оказалось просто до неприличия вкусным. Словно Алексей пробовал его в первый раз.

Петров ушел из кафе в том же недоумении, но одновременно с ощущением причастности к чему-то необыкновенному и, казалось, совсем уже забытым, по-детски щенячьим восторженным ожиданием праздника.

Первого января Алексей Сергеевич обнаружил под елкой железную дорогу с пультом управления, которой он так и не дождался на свои девятый и десятый Новый год, таких уже больше не выпускали.

Александр Егоров

БАБУШКИН РЕЦЕПТ

Я вот думаю: а не трахнуть ли нам по маленькой? Ой, да не кривись ты так, дочка. Это же из фильма. Там еще Вицин... ну да, я понимаю, ты такое не смотришь. А я имел в виду — не чпокнуть ли по чуть-чуть? Еще не легче? Ну и не слушай тогда. А лучше отвернись. Буль-буль-буль. Эх, крепка советская власть... да что ты на меня так смотришь, как принцесса на какашку? Всего-то один стопарик. Ну и что, что четвертый. Вот и стопанись, говоришь? Ну и чей жаргон лучше, мой или твой? Дай-ка я колбаски ухвачу копчененькой. Не жмись, не жмись. Всю не съем.

Вот я тебе скажу, в советское время такую колбасу только на Новый год и ели. Ну или по другим большим праздникам. А не грызли зубами, как твой муж. Сколько раз видел: отломит прямо полпалки и сидит жрет, как пес дворовый, и этой своей бурдой французской запивает. Чего? Не завидуй? Да я не завидую. Моя бы воля, я бы его гнал из этого дома поганую мет-

лой. Ну да, ну да. Ничего я не забываю. Я у вас тут как приживальщик живу. Ну ничего, недолго осталось. Потерпите уж.

Да что ты, Денис, мы с Машенькой не ссоримся, не ссоримся. Еще сто раз поссоримся и помиримся. До Нового года, между прочим, еще восемь часов. Целая рабочая смена, если обед не считать. Иди погуляй, мы вдвоем справимся.

Работничек ты наш. Ме-е-енеджер. Руки только под айфон и заточены. Сам гвоздя в доме не забудет.

Ты, Маша, майонезику-то в салат добавь, добавь, а то сухо будет. Вот так, хорошо. Раньше майонез-то продавался в стеклянных баночках, они так и назывались: майонезные баночки. В них еще можно было анализы в поликлинику сдавать... ой, да ладно, опять она недовольна! Конечно, принцессы же не писают и не какают. Разве что иногда атмосферу портят... особенно если горошку покушают, вот такого, зеленого... в наше время венгерский горошек продавали, «Глобус». Банки такие красивые, рифленные. Ногтем проведешь, а они — тррр... и вовсе я тебе зубы не заговариваю. А вот если хочешь, историю расскажу. Как раз про оливье.

Твоя бабушка его очень вкусно готовила.

Ты вот бабушку уже и не помнишь, наверно. А мы ведь с ней, ну, то есть с мамой моей, всю жизнь в одной квартире прожили. Что за слово такое — кринжатина? Не знаю, не знаю, тогда жить с родителями нормальным считалось.

Выйдет бабушка на пенсию, и за квартирой присмотрит, и за внуками. Покормит, на горшок посадит. Да боже упаси, говоришь? Это ее выражение, между прочим. Вот не хотела, а запомнила.

Ты дальше слушай.

Жили мы вот так, жили на старой квартире, горя не знали. Уверенность была в будущем. Стабильность. Я на маме твоей женился, потом ты родилась. Почему логично? Ах, ты в этом смысле. Ничего ты, дочка, не понимаешь в колбасных обрезках. Это тоже выражение такое. Уверенность в будущем — это когда каждый год под Новый год на столе шампанское стоит, и коньячок, и сервелат нарезан из продуктового заказа, и Брежнев по телевизору, и оливье вот такой же вкусный, только еще вкуснее, потому что мама готовила.

Знаешь, как говорят: все это было навсегда, пока не кончилось.

Хорошо, мать моя этого бардака не застала. В девяносто первом как раз умерла от инфаркта. Как раз перед Новым годом.

И вот накануне лежит она в больнице, а я в палату пришел, мандаринчиков принес. «В этот раз без меня празднуйте, — это она говорит, слабым таким голосом. — И оливье без меня готовьте». — «Так ведь, — говорю, — без тебя невкусно получится. Мы твоего рецепта не знаем». — «Это не беда. Если я... отсюда не вернусь... вы тогда возьмите на кухне, в пенале, книгу о вкусной и здоровой пище. Она там в самой

глубине запрятана, за старинными тарелками. Вот там рецепт и найдете». — «Да что ты говоришь такое, мама, — это я возмущен. — Как это ты не вернешься? Типун тебе на язык! Да ты еще всех нас переживешь». — «Не дай бог, — это она говорит. — Но вот как помру, вы про книгу эту не забудьте. Еще не раз меня вспомните добрым словом».

И ведь как в воду глядела. Тридцатого декабря ее не стало. Ну, конечно, тут уж не до оливье, не до праздников. А если уж совсем честно, то мы с твоей мамой даже разозлились слегка. Надо же так подгадать — перед самым Новым годом в лучший мир эвакуироваться!

Но так вышло, что и тут она все предвидела. Только она умерла, как все и посыпалось. Кончилось наше будущее! Сперва все из магазинов пропало, потом обратно появилось, только в тыщу раз дороже. Войны там всякие, развал Союза, на улицах толпы уродов в кожаных куртках, одним словом, апокалипсис. Работа моя медным тазом накрылась. Деньги превратились в бумажки, вместо них новые фантики напечатали. Тебе года три было, ты не помнишь.

Однако же следующий Новый год хошь не хошь, а надо праздновать. Купили водки по талонам, а за фантики — шампусика итальянского, противного. Решили салатов разных приготовить. Продукты из холодильника выложили — сказать не соврать, много всего было, кукуруза консервированная, огурчики, паштет немецкий из гуманитарной помощи, — а как к этому все-